

СВОЕОБРАЗИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ И.А.БУНИНА

Андреанов И.Ю. (г. Измаил)

В русской литературе рубежа XIX-XX веков роль теоретиков и критиков различных направлений выполняли по преимуществу сами писатели. Не являлся исключением из этого правила и реализм. Одним из видных критиков-реалистов был И.А.Бунин. Как и всякий большой художник, он не мог оставить без внимания проблемы, волновавшие его современников. На формирование эстетических взглядов Бунина воздействовали самые различные течения литературной и общественной мысли. В юности писатель в равной мере увлекался поэзией "дворянских гнезд" и демократическим пафосом произведений Н.Успенского, Н.Некрасова, Т.Шевченко, И.Никитина. Впоследствии он сам в автобиографической заметке 1915 года отмечал: "Я же чуть не с отрочества был "вольнодумцем", вполне равнодушным не только к своей голубой крови, но и к полной утрате всего того, что было связано с нею: исключительно поэтическими были мои юношеские, да и позднейшие "дворянские элегии", которых, кстати сказать, у меня гораздо меньше, чем видели некоторые мои критики..." (2, 254). Это обусловило некоторую двойственность мировоззрения писателя, проявляющуюся на протяжении всей его жизни. Обращаясь к дворянской и народной культуре, Бунин пытался осуществить синтез этих двух полярных начал, постоянно искал путь к национальному единству.

Известно, что в молодости Бунин испытывал тяготение к демократическим направлениям русской общественной мысли – народничеству и толстовству. В 1894 году он даже был арестован за незаконное распространение толстовской литературы (1, 45). Увлечение народничеством проявилось в его первых критических статьях ("Недостатки современной поэзии", "К будущей биографии Н.В.Успенского", "Памяти сильного человека" и др.). Так, в работе "Недостатки современной поэзии", опубликованной в 1888 году в журнале "Родина", Бунин утверждает, "что содержанием для поэзии может быть все, что затрагивает человека в его индивидуальной и общественной жизни" (2, 488), "поэтому и содержание поэтических произведений может носить в себе отпечаток как общемировых вопросов, так и тех, которые составляют насущную злобу дня" (2, 489). Далее писатель конкретизирует свою мысль: "поэт должен проникаться всеми радостями и печалью людскими, быть искренним выразителем нужд и потребностей общества, направлять ближних к добру и прекрасному" (2, 489). Этим установкам Бунин оставался верен всю свою долгую творческую жизнь. Полемизируя со сторонниками идеи "чистого искусства", он писал в вышеупомянутой статье: "Человек, живя в гражданском обществе, не может игнорировать интересов последнего, он связан с ним душой и телом, и весьма странно желать, чтобы поэты, у которых чувства отличаются большей интенсивностью, остались глухи и немые к тому, что интересует субъекта среднего уровня. А если "гражданские мотивы" являются часто узко-тенденциозными и поддельно-преувеличенными, то опять-таки виноваты здесь сами авторы, а не избранные ими темы" (2, 491).

Видимо, стремление уйти от "поддельно-преувеличенной" подражательности в разработке темы привело к временному ослаблению общественной проблематики в творчестве Бунина второй половины 1890-х годов, когда поэт искал свой собственный стиль. Однако и в дальнейшем он все же поддерживал связь с демократическими кругами в литературе. Впоследствии в интервью газете "Голос Москвы" от 24 декабря 1912 года Бунин так говорил о своих политических симпатиях: "Пережил я очень долгое народничество, затем толстовство, теперь тяготее больше всего к социал-демократии, хотя сторонюсь всякой партийности" (2, 541). В посвященной Н.Никитину статье "Памяти сильного человека" (1894) поэт писал о том, что "все гениальные представители" русской литературы – "люди, крепко связанные с своей почвой, с своею землею, получающие от нее свою мощь и крепость" (2, 506). Но, в отличие от поэтов некрасовской школы, Бунин принадлежал к совсем другому поколению, юность которого прошла в 1880-е годы – эпоху реакции, наступившую после убийства террористами царя-реформатора Александра II. Молодой писатель понимал, что время перемен еще не настало, а поспешная революционная ломка приведет лишь к новой бессмысленной крови.

Здесь уместно вспомнить суждения Бунина о творчестве Евгения Баратынского. В статье "Е.А.Баратынский" (1900) он в частности пишет о политических симпатиях этого поэта: "В молодости Баратынский был знаком с некоторыми из декабристов, и если не разделял их программы, то вполне сочувственно относился к их эстетическим идеалам и стремлению к свободе" (2, 517). Бунин говорит при этом, что "по складу своего характера и умонастроения" Баратынский не мог быть участником "политической партии, требовавшей активности" (2, 517). Поэтому интересны бунинские выводы относительно особенностей творчества Баратынского (ведь они в некоторой степени могут быть отнесены и к нему самому).

Так, если в начале своего творческого пути Бунин верил в "возможность лучшего будущего" России, то с 1910-х годов в его произведениях усиливается пессимистическое восприятие действительности. На эволюцию взглядов писателя повлияли драматические события первой русской революции и последовавшей за нею реакции. Тут можно вспомнить бунинскую оценку причин пессимизма Баратынского: "он... был чужд общественных стремлений (в узком значении этого слова) и не принимал в них участия; но все же он не мог не испытывать на себе духа той реакции, которая была тогда разлита в воздухе и мертвила всякое деятельное проявление жизни, ... еще более усиливала мрачное настроение" (2, 518). Бунин однако отмечает, что, не веря в возможность счастья, Баратынский "отказаться от веры в красоту и поэзию" не мог (2, 522). Естественно предположить, что сходные чувства в обстановке политической реакции 80-х – начала 90-х годов XIX века испытывал и сам писатель. Но, хотя Бунин и признавал право философии пессимизма на существование, он считал, что для человека необходим "такой синтез взглядов в его мирозерцании, который бы обеспечивал для него возможность искреннего и разумного служения лучшим заветам человечества" (2,

523). Подобный синтез обеспечил последовательность творческих исканий писателя. Бунин никогда не уходил от общественной проблематики. Просто в разные периоды бунинского творчества она получала различную трактовку, обусловленную расширением жизненного и художественного опыта поэта.

Так, в интервью газете "Голос Москвы" 13 октября 1910 года Бунин сказал: "По-моему наивно видеть в художнике существо особого порядка, так сказать не от мира сего... Соприкасаясь с жизнью, воздействуя на нее и, в свой черед, подвергаясь ее влиянию, художник волей-неволей становится общественным человеком. "Чистого" эстетизма я не понимаю, толки об этом изжиты и надоели" (2, 534-535). Писатель протестовал также против политической тенденциозности и стремления урезать произведения "в ущерб художественной правде": "Не должно быть посягательства на свободу творчества, не место элементу насилия в сфере поэта" (2, 535). Этим воззрениям Бунин остался верен и в трагическом водовороте мировой и гражданской войн, и в годы эмиграции.

Как уже отмечалось, в молодости Бунин испытывал тяготение к позднему народничеству и толстовству, в более зрелые годы – к социал-демократии (в ее умеренном варианте). Несомненна близость поэта к демократическим силам в литературе и в 1900-е годы. Существенное значение имела и установка писателя на свободу творчества. В вышеупомянутом интервью газете "Голос Москвы" от 24 октября 1912 года Бунин высказывает мысль о том, что единственным критерием, руководящим деятельностью истинного художника, должно быть "его человеческое сердце", "велеие совести". Идеиная эволюция писателя сложна и неоднозначна. Но неизменной была основа его мировоззрения, его жизненной позиции – гуманизм. Видимо, поэтому Бунин и не мог принять многие установки модернизма. Наиболее отчетливо бунинская позиция в данном вопросе выражена в речи на юбилее газеты "Русские ведомости" (1913), в которой чередование модернистских течений писатель сравнивает с шабашем: "Буквально каждая зима приносила нам нового кумира. Мы пережили и декаданс, и символизм, и натурализм, и порнографию, и богоборчество, и мифотворчество, и какой-то мистический анархизм, и Диониса, и Аполлона, и "пролеты в вечность", и садизм, и приятие мира, и неприятие мира, и адамизм, и акмеизм... Это ли не Вальпургиева ночь!" (2, 529).

Важное значение для постижения бунинской концепции жизни и смерти имеет восприятие идей Льва Толстого. Бунин видел в нем не только великого писателя, но и одного из выразителей духовной сущности русского человека, одного из пророков поистине мирового значения. Эти размышления наиболее полно отразились в книге "Освобождение Толстого" (1937). Ее трудно назвать произведением "литературно-критического жанра" в устоявшемся значении данного термина. Это – своеобразный поток воспоминаний самого Бунина, отзывов о Толстом различных людей, цитат из толстовских произведений, высказываний Будды и христианских пророков. По сути своей эта книга – своеобразный литературно-философский трактат о смысле человеческого бытия и смерти. Жизнь Толстого, по мнению Бунина, является ярчайшим образцом для подобного рода обобщений.

В толстовских мыслях писатель находит много созвучного собственной философской концепции. Это и размышления о соотношении конечности существования человека и вечности мира: " – Жизнь человека выражается в отношении конечного к бесконечному" (2, 35). Это и идеи "родовой памяти", способности к творческому "перевоплощению": " – Некоторый род людей обладает способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другие, чужие, не только самого себя, но и ближнего своего, то есть, как принято говорить, "способностью перевоплощаться", и особенно живой и особенно образной (чувственной) "памятью"." (2, 47). Это и вера в продолжение посмертного существования человека в памяти других людей: " – Да, да, милый, прелестный мальчик был. Но что это значит – умер? Смерти нет, он не умер, раз мы любим его, живем им!" (2, 61). Это и утверждение ценности реального мира, земной жизни: " – Подходя к Овсянникову, смотрел на прелестный солнечный закат. В нагроможденных облаках просвет, а там, как красный раскаленный уголь, солнце. И все это над лесом. Рожь. Радостно. И думал: нет, этот мир – не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее для живущих с нами и для тех, которые после нас будут жить в нем..." (2, 98). Это и вера в вечное продолжение существования человека в неразрывной цепи поколений: "*Мы, верно, существовали прежде этой жизни, хотя и потеряли о том воспоминание...*" (2, 119). Наконец, это неверие в возможность улучшения жизни путем насильственной борьбы, стремление к внутреннему самоусовершенствованию человека: " – Для того, чтобы положение людей стало лучше, надо, чтобы сами люди стали лучше. (...) Для того же, чтобы люди становились лучше, надо, чтобы они все больше и больше обращали внимание на себя, на свою внутреннюю жизнь. Внешняя же, общественная деятельность, в особенности общественная борьба, всегда отвлекает внимание людей от внутренней жизни и потому всегда, неизбежно развращая людей, понижает уровень общественной нравственности" (2, 128).

Бунин абстрагируется от общественных мотивов творчества Толстого, обращаясь к его общечеловеческому значению: "Он, "счастливый", увидел в жизни только одно ужасное. В какой жизни? В русской, в общеевропейской, в собственной домашней? Но все эти жизни только капли в море" (2, 125). Писатель сравнивает толстовскую философию с буддизмом и христианством, находя в них много общего. Сам Толстой сопоставляется с Буддой, с брахманами и библейскими пророками.

Следует отметить, что в период эмиграции отношение Бунина к буддизму претерпело некоторые изменения. Если в рассказах 1910-х годов писатель не принимал доктрины "Возвышенного", то теперь он во многом солидарен с нею, усматривая в смерти освобождение от ограничений пространства и времени, переход к иным формам бытия. Это наиболее отчетливо выражено в самом начале книги:

"Совершенный, монахи, не живет в довольствие. Совершенный, о монахи, есть святой Высочайший Будда. Отверзите уши ваши: освобождение от смерти найдено".

И вот Толстой говорит об "освобождении":

- Мало того, что пространство и время и причина суть формы мышления и что сущность жизни все этих форм, но вся жизнь наша есть (все) **большее** и **большее** подчинение себя этим формам и потом опять освобождение от них...

В этих словах, еще никем никогда не отмеченных, главное указание к пониманию его всего.

Астапово – завершение "освобождения", которым была вся его жизнь, невзирая на всю великую силу "подчинения" (2, 7).

Отдельная личность по-прежнему представляется Бунину лишь звеном в бесконечной цепи человеческих поколений. Гений воплощает в себе души предков: "Для того же, чтобы быть в числе таких людей, надо быть особью, прошедшей в цепи своих предков долгий путь многих, многих существований и вдруг явившей в себе особенно полный образ своего дикого пращура со всей свежестью его ощущений, со всей образностью его мышления, и с его огромной подсознательностью, а вместе с тем особью, безмерно обогащенной за свой долгий путь и уже с огромной сознательностью" (2, 97). Обращаясь к личности Толстого, Бунин приходит к разгадке тайны смерти, к ее поэтизации. Переход в небытие представляется ему теперь средством разрешения всех противоречий и переходом в новое существование. Особенно потрясли писателя толстовские размышления о "безумии" людской жизни (не только личной, но и "общей") и их итог: " – Пора проснуться, то есть умереть" (2, 15); " – Смерть есть перенесение себя из жизни мирской (то есть временной) в жизнь вечную *здесь, теперь*, которое я (уже) испытываю" (2, 160). Думая над словами Толстого, Бунин приходит к выводу: "Что значит "смерть" в этой фазе? Есть ли это то, что обычно называется смертью и что он и сам разумел когда-то под этим словом? Уже совсем не то. Это живой и радостный возврат из земного, временного, пространственного в неземное, вечное, беспредельное, в лоно Хозяина и Отца, бытие которого совершенно несомненно" (2, 160).

Но есть и другая сторона. Бунин воспринимает жизнь Толстого не столько как путь разочарования в "мирском", сколько как безмерное расширение личности, приведшее к отказу от всего временного и преходящего, к постижению смысла человеческого бытия. В то же время предчувствие смерти рождает у писателя столь же обостренное ощущение жизни, ее непреходящей ценности. Бунин стремится показать, как творческая личность Толстого, постепенно расширяясь, включала в себя все скорби и радости мира. Он спорит с концепциями писателей-модернистов А.Амфитеатрова и Д.Мережковского. Для Бунина жизнь Толстого это не "борьба духа и плоти", а великий нравственный подвиг, выразившийся в отказе от эгоистического существования, в поистине всемирной отзывчивости. В написанной девятью годами ранее статье "На поучение молодым писателям"

(1928), споря с поэтом-модернистом Г.Адамовичем, писатель отвергает обвинения в "узости" внутреннего мира Толстого: "Пора бросить идти по следам Толстого? А по чьим же следам надо идти? Например, Достоевского? Но ведь тоже немало шли и идут. Кроме того: неужто уж так беден Толстой и насчет этого самого мира внутреннего?" (2, 451).

Литературно-критическое наследие Бунина является концентрированным выражением его художественно-философской концепции мира и человека.

Литература:

1. Бабореко А.К. И.А.Бунин. Материалы для биографии. - М., 1983.
2. Бунин И.А. Собр. соч. В 9-ти тт. - Т. 9. - М., 1967.